

ФРАНЦУЗСКІЙ ОФИЦЕРЪ О СЕРБСКОЙ АРМІИ.

Недавно уже третьимъ изданіемъ вышла изъ печати книга *Alain de Penennrun: «40 jours de guerre dans les Balkans. La campagne serbo-bulgare en juillet 1913»*.

Alain de Penennrun—молодой офицеръ французскаго генеральнаго штаба—говоритъ въ предисловіи къ своему труду: «будучи единственнымъ наблюдавшимъ послѣдовательно за арміями болгарской, турецкой, сербской, черногорской и румынской, имѣя возможность прослѣдить за четырьмя первыми въ бояхъ, а за послѣдней—въ ея мобилизованномъ положеніи и пригомъ въ военное время, я счелъ возможнымъ сравнить эти арміи между собою».

Имя талантливаго автора, пишущаго очень бойко и интересно, въ настоящее время встрѣчается почти во всѣхъ произведеніяхъ, трактующихъ объ обѣихъ балканскихъ кампаніяхъ. Автора цитируютъ, на него ссылаются; становится несомнѣннымъ то вліяніе, которое окажутъ на общественное мнѣніе читающей Европы взгляды Alain de Penennrun'a.

Посмотримъ же, какъ онъ отзывается о сербахъ.

Охарактеризовавъ организацію сербскихъ дивизій I и II призывовъ (полагаемъ, что ея детали въ достаточной степени извѣстны), авторъ останавливается на слѣдующихъ подробностяхъ:

1) Громадный сверхкомплектъ людей при началѣ турецкой войны позволяетъ не только обезпечить средній строевой составъ ротъ въ 300 штыковъ, но даже и сформировать шесть дополнительныхъ полковъ ¹⁾.

2) Сербы не повторяютъ ошибки болгаръ и не увлекаются слѣшнымъ сколачиваніемъ новыхъ дивизій и соединеній, кое-какъ организованныхъ и плохо дисциплинированныхъ.

3) Тѣмъ не менѣе въ сербскихъ частяхъ I призыва оказывается около 80% резервистовъ. «Какой аргументъ для противниковъ трехлѣтняго закона въ пользу составленныхъ изъ резервистовъ армій!» замѣчаетъ авторъ, но тутъ же предостерегаетъ отъ поверхностныхъ заключеній.... «Сравнить сербскаго и болгарскаго резервиста съ французскимъ—все равно, что поставить рядомъ лапландца съ египтяниномъ». Ну увь! разница оказывается не въ пользу французовъ ²⁾.

Подчеркнувъ невзыскательность сербовъ и ихъ закаленность въ суровомъ, полномъ лишеній, образѣ жизни, авторъ восторженно отзываясь о томъ «исключительномъ, превосходномъ человѣческомъ матеріалѣ», изъ котораго комплектуется сербская армія:

«Въ Бѣлградѣ я встрѣчалъ рекрутовъ. Это были молодые широкоплечіе крестьяне съ пріятными и спокойными лицами; сіяніе большихъ голубыхъ глазъ, горѣвшихъ пламенемъ энтузіазма, оживляло эти лица глубокою вѣрою и наглядно свидѣтельствовало о высокомъ моральномъ уровнѣ молодыхъ сербовъ. Судьба распоряжается участію каждой арміи сообразно ея качествамъ; слѣдовало бы изучать не тѣ или другіе тактическіе приемы и способы дѣйствій, но именно превосходство моральныхъ факторовъ одной страны надъ другою. Сербскій солдатъ умѣетъ терпѣть и умирать. Сербскіе начальники умѣютъ *хотѣть. Готовность къ самопожертвованію исполнителей и энергичная воля начальниковъ—вѣчная истина! Въ ней секретъ побѣды!*» ³⁾.

¹⁾ Четыре изъ нихъ составили двѣ отдѣльныхъ бригады, Моравскую и Яворскую, а два были приданы по одному къ Дунайской и Шумадійской дивизіямъ II призыва.

²⁾ За то румынскихъ резервистовъ авторъ считаетъ «очень похожими» на французскихъ.

³⁾ Курсивъ нашъ.

Упомянувъ о греческой арміи и коментируя вторую Балканскую войну, авторъ убѣжденно высказывается, что настоящими побѣдителями — «военными, не политическими» — въ этой войнѣ являются сербы. Ихъ армія, «наиболѣе достойная похвалы», тѣмъ болѣе заслуживаетъ серьезнаго внимательнаго изученія, что и «въ грядущей борьбѣ, въ которой мы сами ⁴⁾ не останемся праздными зрителями и когда мы сразимся на Рейнѣ, возстановливая прежнія границы галловъ, сербская армія несомнѣнно будетъ играть чрезвычайно важную роль» ⁵⁾.

Сербскій солдатъ «столь же первобытенъ и твердъ характеромъ», какъ и болгарскій, но культурнѣе послѣдняго. Онъ достаточно веселъ, общителенъ и довѣрчивъ. Потребности его крайне ограничены, что выручало, когда приходилось довольствоваться тощимъ сухаремъ и терпѣть недостатокъ въ продовольствіи.

Физическія страданія переносятся сербами съ изумительною твердостью. По пути къ Эгри-Паланка автору пришлось встрѣтить шедшій въ тылъ большой транспортъ раненыхъ. «Ни крика, ни жеста, ни стона! Эти люди—настоящіе солдаты, умѣющіе страдать и умирать!» отъ души вырывается у Alain de Penningun, незамѣтно повторяющагося въ одномъ и томъ же опредѣленіи сербскаго солдата.

Конечно, у сербовъ существуютъ и недостатки, среди которыхъ прежде всего обрисовывается склонность къ чисто восточной безпечности, проявлявшейся даже въ разгаръ событій перво-степенной важности. Напримѣръ, во время Брегалницкихъ боевъ теряется... *соприкосновеніе съ львими болгарскими крыломъ!* И на сербскихъ передовыхъ линіяхъ, такъ же какъ и у болгаръ, чувствуется страхъ возможной смерти.... И все тѣ же признаки—стремленіе въ тылъ подъ предлогомъ различныхъ работъ, тяготѣніе къ окопамъ и оборонѣ. Правда, послѣ нападенія болгаръ 17-го іюня, сербами овладѣваетъ ярость и жажда мщенія; эти мощные импульсы выбрасываютъ сербскія дивизіи впередъ вплоть до Райчанскаго

⁴⁾ Т.-е. французы.

⁵⁾ Интересно отмѣтить, что значеніе сербской арміи уже начинаетъ учитываться Австро-Венгріей, и притомъ замѣтно въ большей степени, чѣмъ прежде. Новый курсъ отразился между прочимъ и въ организаціи большихъ императорскихъ маневровъ, которые (судя по газетнымъ извѣстіямъ) разыграются лѣтомъ текущаго года въ томъ предположеніи, что Австро-Венгрія подверглась нападенію *сѣ юга*. Маневры рѣшено выполнить въ очень широкомъ масштабѣ. Главное командованіе войсками приметъ престолонаслѣдникъ эрцгерцогъ Францъ-Фердинандъ. На маневрахъ, по слухамъ, будетъ присутствовать германскій императоръ Вильгельмъ.

Рида. Но сейчас же чувство побѣды смягчаетъ горечь перваго братоубійственнаго столкновенія и болѣзненныхъ воспоминаній 1885 г.—и горячій порывъ сербовъ сразу остываетъ: всѣми овладѣваетъ реакція и стремленіе скорѣе покончить съ кошмаромъ ужащающаго кровопролитія, уже облекшаго въ глубокой трауръ ихъ небольшую страну.

Какъ и у болгаръ, офицеръ очень близокъ къ солдату. Отношенія между ними дружескія, почти родственныя. Авторъ признается, что «нигдѣ, даже во Франціи», онъ не видѣлъ подобной близости офицера къ своимъ людямъ. И тѣмъ не менѣе въ сербской арміи дисциплина очень крѣпка и строго всюду соблюдается, несмотря на *отпечатокъ несомнѣннаго добродушія*.

А вотъ характеристика нѣкоторыхъ лицъ изъ высшаго команднаго состава:

«Престолонаслѣдникъ *Александръ*, стоявшій во главѣ 1-й арміи, мнѣ всегда казался одареннымъ рѣдкими качествами: живой, веселый, умный, не задумывающійся передъ рѣшеніями и замѣчательно работоспособный, онъ поражалъ въ разговорахъ глубиною своихъ сужденій, иногда заставлявшихъ забывать, что принцу всего 25 лѣтъ».

Офицеры штаба 1-й арміи «вполнѣ удовлетворительны». Полковникъ *Пешичъ* проявляетъ себя очень добросовѣстнымъ труженникомъ, но излишне нерѣшительнымъ. Капитаны *Мариновичъ* и *Стояновичъ*, получившіе военное образованіе во Франціи, охарактеризованы съ самой лучшей стороны авторомъ, гораздо строже отнесшимся къ представителямъ высшей русской военной школы⁶⁾.

Достаточно суровъ отзывъ о командовавшемъ 3-й арміей генералѣ *Янковичъ*, который «съ самаго начала казался почти всегда ниже своей задачи. Его войскамъ, отступившимъ подъ натискомъ болгаръ, такъ и не удалось взять верхъ надъ противникомъ. Его же войска умудрились такъ изумительно потерять соприкосновеніе съ болгарами въ самый разгаръ Брегалницкихъ боевъ⁷⁾. 3-я же

⁶⁾ Впрочемъ авторъ—ярко окрашенный руссофобъ, и это бьетъ наружу во многихъ мѣстахъ его интересной книги, портя общее хорошее впечатлѣніе.

⁷⁾ Проведя параллель съ извѣстнымъ инцидентомъ 18-го августа 1870 г., когда принцъ Фридрихъ Карлъ потерялъ изъ виду французскую армію, еще наканунѣ бывшую передъ его глазами, авторъ говоритъ: «это указываетъ не только на извѣстную безпомощность сербскаго команднаго состава, но и на чисто славянскую, чисто восточную безпечность передовыхъ войскъ, которыя настолько глубоко засыли въ свои окопы, что даже и не думали слѣдить за противникомъ, бывшимъ передъ ними всего въ 1000—1200 метрахъ».

армія въ теченіе тринадцати дней пребывала въ бездѣйствіи передъ Чука-Голекъ, пока не получила энергическаго приказанія наступать».

Сербская пѣхота—лучшая на Балканахъ; она мужественна, стойка и закалена во всевозможныхъ лишеніяхъ; напрактикована въ маневрированіи и цѣлесообразномъ веденіи огня. Даже въ передовыхъ цѣпяхъ стрѣлки скупы на патроны и, стрѣляя, стараются достигнуть результата каждымъ отдѣльнымъ выстрѣломъ. При наступленіи стремятся приблизиться къ противнику возможно скорѣе, не открывая огня. Самоокапывается сербская пѣхота быстро и хорошо. «Траншеи и окопы представляли собою настоящія крѣпости въ миниатюрѣ, которыя не разъ поражали меня остроуміемъ различныхъ приемовъ, когда рвались болгарскія шрапнели или когда стихійные іюльскіе ливни превращали почву въ цѣлый океанъ грязи».

Сербская пѣхота легко совершаетъ самые трудные форсированные переходы. Напримѣръ, «во всѣхъ отношеніяхъ замѣчательнѣе» маршъ Шумадійской дивизіи I призыва 3-й арміи отъ Эгри-Паланки на Ицгибъ, когда 100 километровъ проходятся по пересѣченной мѣстности менѣе чѣмъ въ 48 часовъ. И это, несмотря на подавляющую жару и уже начинавшую развиваться эпидемію холеры, несмотря на только что выдержанные жестокіе многодневные бои подъ Дренекомъ и Райчанскимъ Ридомъ!

Подъ огнемъ сербская пѣхота наступаетъ взводными перебѣжками, однако не сразу цѣлыми взводами, а принимая всевозможныя мѣры для уменьшенія потерь. Связь со своей артилеріей настолько гармонична, что пѣхотинцы съ автоматичною точностью стараются использовать каждый орудійный залпъ по непріятельскимъ стрѣлкамъ, чтобы новымъ броскомъ впередъ еще болѣе къ нимъ приблизиться. Но такая система имѣетъ и обратную сторону—опасную компактность этихъ сразу бросающихся впередъ взводовъ и тѣмъ болѣе ротъ.

Обращаетъ на себя вниманіе и чрезмѣрная ⁸⁾ растянутость фронтовъ при атакѣ. Такъ Шумадійская дивизія I призыва атакуетъ 18-го іюня на *превышающемъ 10 километровъ фронтѣ!* Наконецъ къ числу отрицательныхъ приемовъ слѣдуетъ отнести нелюбовь къ резервамъ и вообще элементамъ второй линіи, способнымъ питать бой и давать возможность произвести маневръ.

⁸⁾ Даже принимая во вниманіе многолюдность ротъ.

Относительно сербской артиллеріи авторъ приходитъ къ совершенно неожиданному выводу: *сербскіе артиллеристы плохо пользуются своими усовершенствованными скорострѣльными орудіями!* «Пристрѣлку сербы дѣлали правильно, но такъ на ней и застывали, *совершенно не переходя на поражение* (ne voulant pas exécuter le moindre tir d'efficacité) и ограничиваясь послѣдовательными залпами примѣрно черезъ каждыя двѣ минуты. Впрочемъ, такъ поступали и болгары, пользуясь столь же въ достаточной степени безобиднымъ способомъ стрѣльбы». Въ другомъ мѣстѣ книги авторъ упрекаетъ сербскихъ и болгарскихъ артиллеристовъ за то, что послѣ захвата цѣлей въ вилку они не обрушиваются на нихъ «окончательно добывающимъ противника настоящимъ ураганомъ изъ желѣза и огня», что вполне возможно, благодаря скорострѣльности современныхъ орудій⁹⁾.

Пессимистически смотритъ авторъ и на дѣйствительность огня полевыхъ тяжелыхъ гаубицъ. Высказываемый по этому поводу взглядъ не лишенъ оригинальности: «значение 120 мм. гаубицъ оказалось неизмѣримо менѣе того, какое сначала имъ приписывалось; доходило до того, что если и можно было отличить другъ отъ друга падавшія къ намъ 75 мм. и 120 мм. гранаты, то лишь съ большимъ трудомъ¹⁰⁾. Тѣмъ не менѣе, допуская даже столь ни-

⁹⁾ Полагаемъ, что здѣсь Alain de Reppenngun неправъ, такъ какъ односторонне судить о фактахъ лишь по той скорострѣльности, которую въ состояніи развитыя новѣйшія шнейдеровскія орудія. Не слѣдуетъ упускать изъ виду и колоссальнаго потребленія артиллерійскихъ снарядовъ въ современныхъ бояхъ, а также тѣхъ затрудненій, которыя связаны съ пополненіемъ на полѣ сраженія израсходованныхъ боевыхъ припасовъ. Вѣдь даже самъ авторъ сообщаетъ о случаѣ, когда сербская батарея *за одно утро израсходовала около 200 снарядовъ на орудіе* (стр. 140—141), а на стр. 167 онъ же дѣлаетъ упрекъ сербской артиллеріи за *недостаточную экономію* въ расходованіи боевыхъ припасовъ; позволительно спросить, что получилось бы, если бы сербскія батареи развивали еще болѣе интенсивный огонь, какъ это имъ рекомендуетъ авторъ.

Что же касается «безобидности» огня сербской и болгарской артиллерій, то это звучитъ уже совсѣмъ наивно, свидѣтельствуя о неосвѣдомленности или пристрастіи автора. Вспомнимъ хотя бы историческую отнынѣ телеграмму послѣ Кумановскаго боя Зеки-паши своему начальнику: «огонь сербской артиллеріи по войскамъ 7-го корпуса былъ *невообразимой силы*. Охваченныя паникой войска бросились бѣжать, не зная какъ спастись отъ этого убійственнаго огня. Такъ былъ истребленъ 7-й корпусъ».

¹⁰⁾ Это заявленіе автора тоже невольно наводитъ на сомнѣнія, особенно принявъ во вниманіе содержаніе тротила въ тѣхъ шнейдеровскихъ снарядахъ, которые фигурировали на Балканахъ: 645 гр. въ гранатѣ 75 мм. калибра и 4760 гр.—въ гранатѣ 120 мм. гаубицы. Разрушительное и фугасное дѣйствіе этихъ гранатъ, по словамъ участниковъ обѣихъ кампаній, рѣзко отличалось, вполне оправдывая провозглашенный германцами принципъ: «одна тяжелая батарея приводитъ къ молчаливо четыре легкихъ». Надо думать, что такъ или иначе Alain de Reppenngun былъ введенъ въ заблужденіе.

чтожное дѣйствіе гаубичныхъ снарядовъ по противнику, я полагаю, что нравственное спокойствіе и то вліяніе, которое производятъ на свои войска орудія большихъ калибровъ, составляютъ вполне достаточное основаніе для принятія ихъ на вооруженіе. Довѣріе—это такой факторъ, для котораго нельзя жалѣть жертвъ, на первый взглядъ бесполезныхъ; денежные жертвы—однѣ изъ наименьшихъ, и я думаю, что лучше передъ ними не отступать, если только во Франціи остановка именно за этимъ».

Отмѣчая любовь сербовъ къ своимъ тяжелымъ гаубицамъ, авторъ объясняетъ ее *исключительно дальнобойностью* этихъ гаубицъ, указывая, что уменьшенными зарядами и траекторіей съ увеличенной крутизной сербскіе артиллеристы пользовались очень рѣдко ¹¹⁾).

Личный составъ артилеріи отличается обычною сербскою храбростью. Примѣръ: прислуга захваченной подъ *Криволакомъ* сербской батареи (эти орудія черезъ нѣкоторое время были отбиты обратно у болгаръ) героически жертвуетъ собой, чтобы обезвредить покидаемые орудія и унести съ собой затворы.

Самостоятельная дивизія сербской кавалеріи не остается праздною въ бояхъ на Брегалницѣ; слѣдуетъ указать на смѣлое преслѣдованіе ею врага, отступающаго къ *Радовишту*, когда, между прочимъ, была достигнута и взята въ плѣнъ болгарская батарея съ ея 4 орудіями, 12 зарядными ящиками и всѣмъ личнымъ составомъ. Однако, въ общемъ, роль малочисленной сербской кавалеріи на пе-

---

¹¹⁾ Что дальнобойность тяжелыхъ гаубицъ чрезвычайно важна—это неоспоримо; но авторъ дѣлаетъ излишне смѣлое заключеніе, утверждая, что сербы цѣнили свои гаубицы исключительно за ихъ дальнобойность: *могущественное дѣйствіе снарядовъ* (главнымъ образомъ фугасныхъ гранатъ), *скорострѣльность* (16-го іюля 1913 г. на позиціи у Грлена одна изъ тяжелыхъ гаубичныхъ батарей въ продолженіе 2—3 минутъ развила огонь до скорости около 7 выстрѣловъ на гаубицу въ минуту) и вполне достаточная *подвижность*—вотъ главнѣйшія данныя, создавшія вмѣстѣ съ дальнобойностью вполне заслуженную славу скорострѣльныхъ шнейдеровскихъ гаубицъ тяжелаго типа. Если бы, повторимъ еще разъ, дѣло было исключительно въ одной дальнобойности, какъ это утверждаетъ авторъ, то сербы могли бы оставаться при своихъ старыхъ осадныхъ 12 см. орудіяхъ Шнейдеръ-Кане обр. 1897 г. и не переходить на *столь же дальнобойныя* скорострѣльныя гаубицы обр. 1910 г.

Что же касается стрѣльбы уменьшенными зарядами, то опять таки она практиковалась сербскими тяжелыми батареями не столь рѣдко, какъ это указываетъ авторъ. Намъ достовѣрно извѣстно, что для одного, напримѣръ, сербскаго дивизиона 120 мм. гаубицъ число выстрѣловъ полнымъ зарядомъ (зарядъ № 6) за Болгарскую кампанію составляетъ 80% отъ общаго числа.

Вообще «артилерійскіе» выводы автора, выражаясь на родномъ ему языкѣ, *laissent à désirer*.

ресѣченной мѣстности театра военныхъ дѣйствій является несущественной.

Инженерныя войска, успѣшно выполняющія громадныя работы, интендантство и санитарная часть—вполнѣ на высотѣ положенія. Распространеніе холеры, этого вѣчнаго бича всѣхъ балканскихъ войнъ, прекращается въ самомъ началѣ рядомъ энергичныхъ мѣръ.

Желѣзнодорожное движеніе въ тылу арміи можетъ то же похвалиться своимъ благоустройствомъ. «Все было предусмотрено и упорядочено, функционируя съ замѣчательною точностью. Чувствовалась первоклассная организація, механизмы которой дѣйствовали методически и безъ треній». Личной провѣркой авторъ убѣдился, что «на всѣхъ ступеняхъ желѣзнодорожной администраціи находились люди съ большой инициативой, не только добросовѣстно относившіеся къ исполненію своихъ обязанностей, но и прилагавшіе всѣ старанія, чтобы дѣйствительно помочь проѣзжающимъ въ томъ или другомъ затрудненіи, а не отдѣлаться небрежнымъ броскомъ какого нибудь правила или постановленія, какъ это постоянно мы видимъ во многихъ другихъ странахъ».

Неизбѣжно упоминая про болгарскую армію наряду съ сербскою, авторъ говоритъ: «это сражаются двѣ большихъ европейскихъ арміи, одинаково обученныя, одинаково храбрыя и предприимчивыя...», «это схватка титановъ...», «это эпическая борьба». Болгары обнаруживаютъ склонность къ ночнымъ боямъ; они дерутся безъ воодушевленія въ этой Братоубійственной войнѣ, начатой македонскою партіей изъ Софіи; тѣмъ не менѣе «твердые и упрямые по характеру они съ бѣшенствомъ въ сердцѣ оспариваютъ каждую пядь земли, каждую возвышенность, каждый гребень». Сами сербы отзываются о болгарахъ съ большимъ уваженіемъ. «Это достойные насъ противники», говоритъ автору раненый артилерійскій маіоръ *Ненадовичъ*: «за 13 сутокъ мы могли продвинуться впередъ лишь на 6 километровъ; отсюда можно судить о тѣхъ успѣхахъ, которыя намъ пришлось дѣлать».

О болгарскомъ героѣ Радко Дмитріевѣ авторъ отзывается такъ: «генераль Дмитріевъ дѣйствительно энергичный, даже очень энергичный человекъ; меня всегда въ немъ поражала чрезвычайная быстрота рѣшеній, иногда даже запечатлѣнная излишнею горячностью; во всякомъ случаѣ въ пассивности генерала нельзя упрекнуть ни въ коемъ случаѣ».

Въ концѣ книги (стр. 244) находимъ заключительную пара-

лель: «несмотря на многочисленные недостатки, войска сербовъ и ихъ начальники проявили свыше всякой похвалы не только настойчивость, но и силу, неоспоримыя способности къ наступательному образу дѣйствій и безусловное превосходство надъ столь прославленной болгарской арміей. Причину надо искать въ томъ, что сербы не только ученики, какъ это можно сказать про болгаръ, но они способны творить отъ себя, развить самостоятельно ту или другую идею, чего не хватало ихъ противникамъ по Второй Балканской войнѣ».

Резюмируя замѣтки можно видѣть, что въ общемъ отзывъ французскаго офицера о сербской арміи является весьма благопріятнымъ. Но Alain de Penningun не можетъ простить сербамъ, что, одержавъ конечный успѣхъ въ кровопролитныхъ Брегалъницкихъ бояхъ, они не развили сейчасъ же энергичнаго наступленія на Софію, «быстро перемѣнивъ фронтъ на сѣверъ и кинувшись напроломъ въ рѣшительную атаку главныхъ болгарскихъ силъ». Авторъ полагаетъ, что, если бы сербы это сдѣлали, вся слава побѣды надъ болгарамъ принадлежала бы имъ, а вмѣстѣ со славою всѣ выгоды, и «Бѣлградъ неоспоримо сдѣлался бы настоящею столицею на Балканахъ».

Этотъ упрекъ увлекающагося автора звучитъ неоднократно на страницахъ книги.

А что авторъ увлекается, это несомнѣнно. Нельзя забывать, что всякая война является орудіемъ политики, которая въ концѣ концовъ и повелѣваетъ. Политика же вполне оправдывала пріостановку военныхъ дѣйствій для облившейся кровью сербской арміи, уже притомъ отбившей нападеніе врага (т.-е. достигнувшей своей цѣли), и дѣлала излишними дальнѣйшія гекатомбы. Стоило ли продолжать братоубійственную распря ради какихъ-то эфемерныхъ расчетовъ? Стоило ли—выражаясь вульгарно—цѣною тяжелыхъ жертвъ таскать для другихъ изъ огня каштаны? Да и самъ авторъ говоритъ (стр. 160—161): «румыны, не сражаясь, дошли почти до воротъ Софіи; турки возвратили себѣ Адрианополь и Оракію; наконецъ, греки овладѣли эгейскимъ побережьемъ. Всѣ что либо пріобрѣли, и только сербы покрыли себя славой, расплатившись сполна своею кровью за горестное нападеніе 29-го іюня...¹²⁾». Сербы доблестью сломили упорное сопротивленіе болгаръ и смыли сливницкій позоръ 1885 г. И сербы рѣшили, что этого было довольно. Пятая отвращеніе къ дальнѣйшей братоубійственной бойнѣ, оплаки-

¹²⁾ По новому стилю.

вая ее, сербы упустили изъ виду, что вчерашній братъ и союзникъ сдѣлался врагомъ, т.-е. тѣмъ, кого слѣдуетъ схватить за горло и давить до тѣхъ поръ, пока онъ не вытянется окончательно мертвымъ».

Мы смѣемъ не согласиться съ молодымъ, горячимъ авторомъ и думаемъ, что рѣшеніе сербовъ въ виду надвигавшагося заключенія мира и общей политической обстановки было совершенно правильнымъ.

Какъ бы предчувствуя справедливое возраженіе, авторъ спѣшитъ добавить: «могутъ сказать, что окончательное пораженіе болгаръ не было желательнымъ, что даже среди сербовъ къ нему никто не стремится, и что все-таки теплится надежда увидѣть болгаръ входящими въ составъ балканской коалиціи. Признаюсь, я совершенно не вѣрю въ такое примиреніе враждующихъ братьевъ—слишкомъ уже много накопилось злобы и ненависти, слишкомъ много пролилось крови!»

Родственный южнымъ славянамъ русскій народъ и представители его могущественной арміи не могутъ, конечно, раздѣлить столь мрачной увѣренности автора. Время—лучшій цѣлитель самыхъ ужасныхъ ранъ, самыхъ непоправимыхъ по первому взгляду бѣдствій, особенно когда грозною стѣною надвигается общій историческій врагъ и когда еще такъ свѣжи въ памяти незабвенные дни совмѣстной громкой славы, совмѣстныхъ прогремѣвшихъ по всему міру побѣдъ!...

П. Ч.

